

Предисловіе къ первому нѣмецкому изданію.

Въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ авторъ настоящей работы занимался какъ теоретически, такъ и практически проблемами половой жизни и въ различныхъ прежнихъ своихъ работахъ разбиралъ ихъ съ точки зрѣнія не только врача, но и антрополога и историка культуры: авторъ убѣжденъ, что изслѣдованіе половой жизни съ чисто медицинской точки зрѣнія—хотя и будетъ всегда составлять основу науки о полѣ,—но недостаточно для правильного пониманія многообразныхъ отношеній полового элемента ко всемъ областямъ человеческой жизни. Чтобы оцѣнить все значеніе любви для индивидуальной и социальной жизни и для культурнаго развитія человечества, ее нужно включить въ область общей науки о человѣкѣ, объединяющей всѣ остальные науки,—общую біологію, антропологию и этнографію, философію и психологию, медицину, исторію литературы и исторію культуры,—во всемъ ихъ объемѣ. Насколько это возможно для одного человѣка, авторъ старался имѣть въ виду при изслѣдованіи половой жизни всѣ эти, столь различныя точки зрѣнія, чтобы выработать всесторонній, объективный взглядъ на настоящую проблему. Особое вниманіе авторъ удѣлилъ социальнымъ, экономическимъ и гигиеническимъ теченіямъ въ области половой жизни, проявившимся въ вопросѣ о столь важной борьбѣ съ венерическими болѣзнями, объ охранѣ материнства и о свободной любви. Авторъ не скрывалъ,—какъ онъ проводилъ это и въ своихъ докладахъ, прочитанныхъ во многихъ германскихъ городахъ по порученію „Нѣмецкаго Общества борьбы съ венерическими болѣзнями“,—что борьба и искорененіе венерическихъ болѣзней составляетъ центральную проблему всего полового вопроса, безъ разрѣшенія которой невозможны реформа, облагороженіе и усовершенствованіе современныхъ отношеній любви. Такъ какъ въ этомъ отношеніи между сторонниками стараго и защитниками новаго—къ которымъ причисляетъ себя и авторъ,—къ счастью, господствуетъ пріятное единодушіе, то энергичный и успѣшный починокъ ре-

формы половыхъ отношеній въ этомъ ея первомъ и важнѣйшемъ пунктѣ уже положенъ. Авторъ занялъ также опредѣленную и ясную позицію и въ отношеніи выдвинувшихся теперь вопросовъ объ условномъ бракѣ и свободной любви, о внѣбрачныхъ половыхъ сношеніяхъ, о проституціи, половомъ воздержаніи, половомъ воспитаніи, предупрежденіи зачатія, половой гигиенѣ, порнографической литературѣ; по всѣмъ этимъ вопросамъ авторъ на основаніи своихъ изслѣдованій оспариваетъ теорію вырожденія и приходитъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ въ послѣднее время Илья Мечниковъ и Георгъ Гиртъ, а именно, что и въ области половыхъ отношеній невозможно отрицать постоянного прогресса и непрестаннаго совершенствованія, а наблюдающаяся иногда дегенерация и наслѣдственное отягощеніе всегда парализуется регенераціей и наслѣдственнымъ облегченіемъ (Гиртъ).

Въ изложеніи авторъ по возможности придерживался генетическаго метода, такъ что читатель не можетъ составить правильнаго сужденія объ этой работѣ на основаніи отдѣльныхъ, произвольно взятыхъ главъ, но только на основаніи связнаго чтенія всего труда. Только тогда онъ пойметъ, напр., почему я такъ рѣзко нападаю на „внѣбрачныя“ половыя сношенія и въ то же время защищаю „свободную“ любовь въ смыслѣ Элленъ Кей.

Я рѣшаюсь утверждать, что предлагаемая книга пополняетъ нѣкоторый пробѣлъ въ области литературы по половому вопросу. До сихъ поръ не было еще ни одного всеохватывающаго общаго труда о половой жизни, въ которомъ были бы критически обработаны всѣ многочисленныя и цѣнныя изслѣдованія и работы по всѣмъ отраслямъ науки о полѣ. Предпринять попытку пересмотрѣть и изложить съ одной объединяющей точки зрѣнія громадный матеріалъ, накопившійся до сихъ поръ,—въ высшей степени своевременная задача. При живомъ интересѣ и рвеніи къ изслѣдованію въ этой области, уже

въ ближайшіе годы, надо полагать, окажется невозможнымъ для одного лица брать на себя такую задачу. То, что было создано цѣннаго за послѣднія 30 лѣтъ, т. е. съ начала собственно научнаго изслѣдованія половыхъ явленій,—а именно, заложенная въ это время основанія для изученія половой жизни,—читатель, надѣюсь, найдетъ въ настоящей работѣ, которая задумана въ видѣ энциклопедіи всей науки о полѣ, построена на основаніи моихъ собственныхъ опытовъ и наблюдений и проникнута строго принципиальнымъ отношеніемъ къ затрагиваемымъ вопросамъ. Я съ самаго начала былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что только самостоятельная и оригинальная разработка всей этой обширной области представляетъ цѣнность. Я сдѣлалъ такую попытку и надѣюсь, что доставилъ много новаго и знатоку этихъ вопросовъ, и изслѣдователю-специалисту, особенно медику или антропологу, въ отношеніи клиническаго, научно-теоретическаго, культурно-историческаго и литературнаго освѣщенія.

Особенное вниманіе я желалъ бы обратить на указаніе (стр. 38), что Вейнингеровская „теорія М. Ж.“ содержится уже въ „Ardinghello“, Гейнзе, далѣе, на впервые опубликовываемую здѣсь, неизданную ранѣе рукопись Шопенгауэра о тетрагаміи (стр. 242-244), на объясненіе одного мѣста изъ „Wahlverwandschaften“ Гете на основаніи японскаго источника (стр. 237), на интересный какъ въ политическомъ, такъ и въ медицинско-психологическомъ отношеніи матеріалъ къ вопросу о психологіи

русской революціи въ видѣ подлинной автобіографіи русскаго революціонера, страдавшаго нѣкоторыми половыми извращеніемъ (стр. 569-590).

Я писалъ для всѣхъ серьезныхъ мужчинъ и женщинъ, желающихъ ориентироваться въ половомъ вопросѣ и ознакомиться съ результатами столь разнообразныхъ изслѣдованій въ этой области. Какое громадное значеніе имѣетъ истинное, проверенное критикой знаніе отношеній половой жизни для отдѣльнаго лица, для государства и для общества,—объ этомъ я неоднократно говорю въ текстѣ и долженъ отослать читателя къ самой книгѣ.

Такъ какъ обусловленная задачей настоящей книги объемъ ея вышелъ чрезвычайно значительнымъ, то пришлось отказаться отъ приложенія указателя именъ и предметнаго. Нѣсколько возмѣщаютъ это сопровождающіе каждую главу подробные перечни ея содержанія.

Въ заключеніе выражаю сердечную благодарность старымъ и новымъ друзьямъ, отъ которыхъ я получалъ въ устной или письменной формѣ такъ много одобреній и цѣнныхъ указаній,—прежде всего г.г. д-ру Альфреду Бляшко, д-ру Эриху Эбштейну, тайному совѣтнику проф. д-ру Альберту Эйленбургу, д-ру Магнусу Гиршфельду, д-ру Георгу Гирту, д-ру Фридриху С. Краусу, д-ру Гейнриху Штюмке, а равнымъ образомъ г-жѣ Розѣ Майредеръ и д-ру Еленѣ Штеккеръ.

Шарлоттенбургъ,
18 ноября 1906 года.

Д-ръ Иванъ Блохъ.

Предисловіе ко 2-му и 3-му нѣмецк. изданіямъ.

Ровно 3 мѣсяца спустя по окончаніи предисловія къ первому изданію пришлось писать предисловіе ко второму и третьему изданіямъ. Благоклонный пріемъ книги со стороны публики, а равно появившіеся до сихъ поръ печатные отзывы дѣйствительно компетентныхъ критиковъ и многочисленныя письменныя и устныя заявленія со стороны образованныхъ читателей изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ, укрѣпили во мнѣ, къ моей радости, то убѣжденіе, которое я высказывалъ уже въ предисловіи къ первому изданію, а именно, въ томъ, что существуетъ дѣйствительная потребность въ критическомъ всеохватывающемъ и притомъ проникнутомъ одною общей точкой зрѣнія трудѣ о всей области науки о полѣ.

Я не нашелъ никакого повода предпринимать существенныя перемѣны въ планѣ и содержаніи книги. Однако, я постарался подлатать этотъ трудъ на высоту изслѣдованія многочисленными исправленіями, дополненіями, вставками и указаніями на литературу, — насколько это было возможно въ теченіе короткаго времени. Въ этомъ отношеніи я былъ весьма радъ цѣнной поддержкѣ г. медицинскаго совѣтника д-ра Пауля Нэкке въ Губертусбургѣ, — одного изъ немногихъ знатоковъ въ области науки о полѣ. Я выражаю ему и въ этомъ мѣстѣ свою искреннюю благодарность за полученныя отъ него указанія.

Шарлоттенбургъ,
18 февраля 1907 года.

Д-ръ Иванъ Блохъ.

Предисловіе къ 4-му, 5-му и 6-му нѣмецк. изданіямъ.

Прошло всего 9 слѣдующихъ мѣсяцевъ со дня появленія книги на рынкѣ, — и уже потребовалось 4 — 6-е ея изданіе, которому можно предпослать лишь нѣсколько словъ.

Прежде всего я долженъ выразить здѣсь благодарность за многочисленныя доказательства интереса къ моей книгѣ, которыя приносятъ мнѣ почти ежедневно приходящія письма, такъ какъ я не имѣю возможности отвѣчать на каждое письмо въ отдѣльности. Въ этихъ обращеніяхъ сказывается такой высоко-моральный серьезный интересъ, такое сознаніе необходимости реформы всей нашей половой жизни въ смыслѣ разумнаго пониманія жизни, что я вижу въ нихъ превосходное подкрѣпленіе защищаемого мною оптимизма и черпаю изъ нихъ глубокую надежду на то, что противъ описанныхъ въ моей книгѣ вредныхъ и дисгармоничныхъ сторонъ половой жизни будетъ предпринята серьезная и энергичная борьба. А отъ нея можно ожидать только хорошихъ результатовъ.

Среди многочисленныхъ критикъ и отзывовъ о настоящей работѣ наибольшее удовольствіе мнѣ доставило нижеслѣдующее письмо, написанное по почину самого его автора:

„Батавія, 8/v 1907.

Уважаемый коллега! За чтеніемъ вашей послѣдней книги меня охватила настоящая потребность выразить вамъ всю ту радость и восхищеніе, которыя вызвалъ во мнѣ вашъ трудъ. Хотя я въ нѣкоторыхъ пунктахъ и не согласенъ съ вами, но общая тенденція вполне совпадаетъ съ моими взглядами, какъ я могъ бы изложить ихъ вамъ. Итакъ, gratulor.

Преданный вамъ А. Нейссеръ“.

Слова эти принадлежатъ человѣку, не только занимающему высокое положеніе ученаго изслѣдователя въ области венерическихъ болѣзней, но и одному изъ пионеровъ и энергичныхъ организаторовъ борьбы съ проституціей и венеріей, человѣку съ широкимъ взглядомъ на всю связанную съ этими вопросами область половой жизни; эти слова г. тайнаго совѣтника проф. д-ра Альберта Нейссера, книгѣ продолжающаго на островѣ Явъ свои дѣлающія эпоху изслѣдованія сифилиса, составляютъ для меня самое высокое признаніе, котораго удостоивалась до сихъ поръ моя научная дѣятельность. Они побуждаютъ меня неуклонно и послѣдовательно идти дальше по ранѣ избранному пути, который одинаковъ для всякаго добросовѣстнаго ученаго изслѣдованія и всегда ведетъ черезъ ошибку къ истинѣ. Путь къ истинѣ устланъ ошибками. Цѣль науки есть истина, а не теорія, ради которой упорно придержи-ваются завѣдомыхъ заблужденій.

Существеннымъ улучшеніемъ новаго изданія является приложенный къ нему указатель именъ и предметный, облегчающій пользованіе книгой съ научной цѣлью. Сдѣланныя на этотъ разъ вставки и дополненія соединены въ особомъ приложеніи въ концѣ книги.

Г. медицинъ-совѣтнику д-ру Паулу Нэкке я снова долженъ выразить особенную благодарность за содѣйствіе. Равнымъ образомъ выражаю благодарность д-ру Эмилю Боку въ Лайбахѣ за его интересныя данныя.

Въ Лондонѣ вскорѣ имѣетъ появиться въ свѣтъ англійскій переводъ этой книги.

Шарлоттенбургъ,
16 сентября 1907 года.

Д-ръ Иванъ Блохъ.

Введение.

„На первый взгляд кажется, будто природа надѣлила человѣка стремленіемъ къ размноженію только ради продолженія рода и при этомъ совершенно игнорировала человѣческую личность; однако, невозможно отрицать, что при столь высокомъ предназначеніи этой страсти не была забыта и человѣческая личность“.

Über die Kunst, ein hohes Alter zu erreichen (Объ искусствѣ дожить до глубокой старости), Berlin, 1813, т. 1, стр. 2.

Два составныхъ элемента современной любви. — Родовая и индивидуальная цѣль. — Недостаточность первой для пониманія любви. — Индивидуализація любви подъ вліяніемъ культуры. — Органическая связь между физическими и духовными проявленіями любви. — Возможные пути ея развитія въ будущемъ. — Побѣда любви культурнаго человѣка надъ демономъ полового влеченія. — Наше время — поворотный пунктъ въ исторіи любви.

Половая жизнь современнаго культурнаго человѣка, т.-е. вся совокупность проявленій половой любви, вытекающихъ изъ полового влеченія и связанныхъ съ нимъ, является продуктомъ тысячелѣтнаго развитія. Въ ней находятъ себѣ вѣрное отраженіе всѣ фазисы физической и духовной исторіи человѣческаго рода. Кто хочетъ понять современную любовь и ея сложный характеръ, тотъ долженъ прежде всего постараться разрѣшить трудную задачу: онъ долженъ не только уяснить себѣ ея примитивныя основы, сказавшіяся еще въ сѣдой старинѣ, но и понять, какъ измѣнялось и обогащалось чувство любви вмѣстѣ съ развитіемъ культуры. Оба эти составные элемента образуютъ современную любовь.

Слово „любовь“ примѣнимо только къ человѣческому половому влеченію. Оно указываетъ на то, что чисто животныя ощущенія получили у человѣка такое значеніе, такую цѣль, которая оставляетъ далеко за собой простое размноженіе, поддержаніе рода. Сущность человѣческой любви можно понять и объяснить, лишь исходя изъ этой внутренней, неразрывной связи между ея значеніемъ для рода и ея самостоятельнымъ значеніемъ въ жизни самого любящаго индивидуума. Это—основной пунктъ всего такъ на-

зываемаго „полового вопроса“, и на это слѣдуетъ указать уже здѣсь, въ началѣ нашей работы. Въ старое время за любовью признавалось преимущественно родовое значеніе. Современный же культурный человѣкъ, представляющій себѣ исторію, какъ прогрессъ сознанія свободы, призналъ также и огромное индивидуальное значеніе любви для его собственнаго внутренняго роста, для развитія его собственной свободной личности. Настоящая любовь современнаго культурнаго человѣка есть одинъ изъ „путей къ свободѣ“, — пользуясь остроумнымъ выраженіемъ Георга Гирта. Въ ней открывается и черезъ нее развивается интимнѣйшая сущность его личности. Поэтому Шопенгауэровскую „Метафизику половой любви“, совершенно не замѣчающую этого индивидуальнаго фактора, мы можемъ считать лишь одностороннимъ, хотя и гениальнымъ объясненіемъ сущности любви. И мы рѣшительно отклоняемъ, какъ далеко не соответствующую сущности современной любви, ту точку зрѣнія, на которой стоитъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, Арнольдъ Линдвурмъ, находящійся подъ сильнымъ вліяніемъ Шопенгауэра. „Въ области изслѣдованія половой жизни,— говоритъ онъ во введеніи къ своей книгѣ Ueber die Geschlechtsliebe in social-ethischer

Beziehung“ („О половой любви въ социальномъ-этическомъ отношеніи“), — „моральнымъ критеріемъ для автора являются плоды любви, дѣти, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неотдѣлимый отъ нихъ, въ качествѣ орудія воспитанія, институтъ домашняго быта—бракъ. Въ этомъ состоитъ социальномъ-этическая цѣль всякой половой любви, поэтому и ее можно оцѣнивать только съ точки зрѣнія дѣторожденія и воспитанія“. Въдѣ исторія полового влеченія у человѣка неопровержимо убѣждаетъ насъ въ томъ, что съ ходомъ развитія человечества чувство это все сильнѣе и сильнѣе срасталось съ элементами духовной симпатіи, совокупность которыхъ называется „любовью“, а черезъ это все болѣе и болѣе индивидуализировалось и получало опредѣленное значеніе для отдѣльной человѣческой личности. Половая любовь является теперь частицей самаго существа культурнаго человѣка, его половая жизнь служитъ яснымъ отраженіемъ его индивидуальной природы, любовь оказываетъ сильнѣйшее вліяніе на его развитіе.

Она совершенно своеобразно объединяетъ жизненные явленія, включая въ себѣ оба ихъ элемента, — низшій, растительный, и высшій, животный, она даетъ высшее и наиболѣе яркое выраженіе единству жизни („фокусъ воли“ у Шопенгауэра, „непрерывность зародышевой плазмы“ у Вейсмана).

Кто хочетъ понять тенденціи развитія любви, проявившіяся въ ходѣ исторіи человечества, — ее своеобразное развитіе, обогащеніе и облагороженіе подъ вліяніемъ культуры, — тотъ долженъ предварительно вполне уяснить себѣ этотъ повидимому дуалистическій, но самомъ же дѣлѣ вполне единый, цѣлостный характеръ любви.

Эту же мысль можно выразить еще иначе, а именно: тотъ, кто занимался научнымъ изслѣдованіемъ любви, кто философски обосновывалъ и на самомъ дѣлѣ переживалъ ее, тотъ долженъ, по крайней мѣрѣ, въ области живой природы, органическаго міра, стать убѣжденнымъ монистомъ и видѣть всю искусственность всякаго дуалистическаго подраздѣленія на физическіе и духовные элементы. Въ любви всего яснѣе раскрывается эта тайна живого, какъ это вдохновенно угадывали уже тысячелѣтія тому назадъ поэты, художники и метафизики, и какъ это выяснили съ научной убѣдительною чѣткостью естествоиспытатели XVIII и XIX вв., особенно Чарльзъ Дарвинъ и Эрнстъ Геккель. И нѣтъ ни одного болѣе удачнаго образа, который яснѣе освѣщаль бы эту, въ послѣднемъ счетѣ, цѣлостную, единую природу любви, чѣмъ слона стараго эстета І. Г. Зульцера: любовь

есть дерево, корни котораго сидятъ въ тѣлѣ, но вѣтви простираются высоко надъ тѣлеснымъ міромъ, онѣ пускаютъ все болѣе многочисленныя, все болѣе пышныя побѣги въ сферу духовнаго¹. Несомнѣнно, болѣе удачное сравненіе дать невозможно. Оно одно достаточно уясняетъ уже намъ внутреннюю, органическую связь между физическими и духовными проявленіями любви. Ее корни всегда и неизмѣнно сидятъ въ матери-землѣ, но вѣтви стремятся въ высь, въ свѣтлую воздушную стихію. Подобно тому, какъ древесная крона достигаетъ несравненно болѣе богатаго, разносторонняго и широкаго развитія, чѣмъ корень, такъ и въ любви только ее духовная сторона можетъ широко развиваться въ высь и по всѣмъ направленіямъ, способность же къ развитію ее физической стороны, напротивъ, весьма мала и ограничена. Но какъ древесную крону питаетъ корень, такъ и высшей формѣ любви даетъ все новую и новую пищу чувственность. Именно для того, чтобы становиться богаче въ духовномъ отношеніи, она нуждается въ физической основѣ². Словомъ, возможные пути развитія человѣческой любви въ будущемъ лежатъ въ чисто духовной области, но неразрывно связаны съ несравненно менѣе измѣнчивыми физическими феноменами половой жизни.

Внутреннія отношенія полового влеченія къ культурѣ складываются всецѣло и исключительно изъ развитія, оформленія и дифференцированія его духовныхъ элементовъ. А культура въ свою очередь отражается на сложной эволюціи чувства любви.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣческій духъ въ ходѣ развитія сталъ не только господиномъ земли, элементарныхъ силъ природы, онъ сталъ также господиномъ, повелителемъ, руководителемъ и проводникомъ полового влеченія; ему это послѣднее обязано своею но-

¹ „Это не природа приноситъ намъ цвѣты, они являются сверху, это духъ избираетъ своимъ орудіемъ естественный процессъ, чтобы излить на тѣхъ, кого онъ любитъ, все свое небо цвѣтовъ, все свое восторженное благословеніе“. (Splitter, Notrufe mit einem Aufruf von Konrad Seher, Zürich, 1891, стр. 27). — Естествоиспытатель Кильмейеръ, ученикъ Кювье, также сравнивалъ половые органы съ корнемъ, а мозгъ — съ вершиной дерева. Ср. Артуръ Шопенгауэръ, Neue Paralipomena, изд. Grisebach, стр. 217.

² Очень тонкое замѣчаніе дѣлаетъ Эдуардъ фонъ Гартманъ: „Мнимая любовь безъ чувственности — это лишенный плоти и крови фантастическій призракъ желанной души“. — говоритъ онъ. Philosophie des Unbewussten (Философія безсознательнаго). 6 изд. Berlin, 1874, стр. 196.

вой, своеобразной жизнью, своей способностью къ развитію, какъ это обнаруживается въ любви. Исторія любви есть исторія человечества, исторія культуры. И въ ней обнаруживается постоянный прогрессъ, который могутъ отрицать только тѣ, кто не уяснилъ себѣ глубочайшаго значенія человеческой любви для всей культурной жизни всѣхъ временъ, да еще тѣ, кого фактъ непрекращающагося существованія первобытнаго, вѣчно безпокойнаго полового влеченія съ его демонической натурой приводитъ къ безнадежному отчаянію въ возможности всякой вообще любви и заставляетъ оправдывать пессимизмъ, съ какимъ люди, вроде Шопенгауэра, судятъ о значеніи половой любви у человѣка. Конечно, эта демоническая страсть все еще существуетъ, и слѣдовать одной ей равносильно смерти, небытію, печальной пустынѣ, какъ это съ потрясающей ясностью показали страшные обвинители современной „любви“ — Толстой, Стриндбергъ, Вейнингеръ. Но была ли имъ знакома настоящая любовь? Сознawali ли они ту естественную необходимость, съ которою культура, столѣтіе за столѣтіемъ, поколѣніе за поколѣніемъ, превращала и преобразовывала столь

различными способами, столь удивительными путями половое влеченіе человѣка въ любовь? Имѣли ли они понятіе о развитіи любви, о ея мѣстѣ и значеніи въ исторіи?

Пусть они повѣрятъ одному, эти сомнѣвающіеся и отчаявающіеся умы: ничто не утерieno изъ всѣхъ тѣхъ духовныхъ отношеній, изъ тѣхъ изумительныхъ возможныхъ преобразованій, которыя открывались въ долготу и измѣнчивомъ ходѣ исторіи развитія любви. Изобразить это развитіе значитъ показать всѣ тѣ культурные элементы, которые проявляютъ свою дѣятельность въ любви еще и теперь, но значить вмѣстѣ съ тѣмъ и указать направленіе ея будущаго развитія. Мы снова стоимъ у великаго поворотнаго пункта въ исторіи любви. Старое отдѣляется отъ новаго, лучшее и здѣсь должно оказаться врагомъ хорошаго. Но существо любви, какъ полового влеченія, пропитаннаго самымъ высокимъ духовнымъ содержаніемъ, останется прежнимъ, какъ неисчезающее культурное благо; оно будетъ принимать все болѣе чистую, все болѣе счастливую форму, подобно зеркалу изумительной чистоты, въ которомъ на ходитъ непогрѣшимо вѣрное изображеніе культуры каждой эпохи во всей ея своеобразности.

Глава I.

Элементарныя явленія человеческой любви.

„Критически мыслящій естествоиспытатель понимаетъ этотъ процессъ, это „увѣнчаніе любви“—какъ простой процессъ срастанія двухъ клѣтокъ и сліянія содержащаго ихъ ядеръ“.

Эрнстъ Геккель.

Источникъ любви. — Сліяніе зародышевыхъ клѣтокъ, какъ простѣйшее выраженіе природы половъ. — Активное мужское начало пола и пассивное женское. — Изображеніе этого въ древнемъ мифѣ. — Значеніе полового размноженія. — Важнѣйшій принципъ прогрессивнаго развитія. — Значеніе раздѣленія половъ. — Развитие гетеросексуальности. — Пережитки первоначальнаго гермафродитизма у мужчины и женщины. — Новыя пріобрѣтенія. — Дѣвственная плеза. — Гипотеза Мечникова относительно первоначальнаго значенія дѣвственной плевы. — „Третій полъ“. — Совершенствованіе, какъ результатъ прогрессирующей дифференціаціи половъ. — Ростъ интенсивности полового влеченія въ процессъ историческаго развитія человечества. — Причина этого. — Объясненіе Поля Ре. — Теорія Гэвлока Эллиса. — Элементарный психическій феноменъ любви. — Ощущеніе, похожее на запахъ. — Теорія Стеффенса, Геккеля и Кренера. — Специфическіе половые запахи — „каприловые запахи“ — Железы для выдѣленія пахучихъ веществъ у животныхъ и у человѣка. — Примѣръ изъ области южно-славянскаго фольклора. — Половые области въ носу. — Половая роль искусственныхъ пахучихъ веществъ. — Ихъ происхожденіе. — Регрессивное развитіе органа обонянія у человѣка. — Первичный и вторичный элементы половой жизни человѣка. — „Любовь смѣшенія“ (Mischliebe) и „любовь на разстояніи“ (Distanzliebe) у Бельше. — Ихъ различное значеніе.

Тайну половой любви, это „чудо жизни“, откуда черпали и продолжаютъ черпать лучшую долю своей силы какъ религіозная вѣра, такъ и художественное вдохновеніе, можно свести въ послѣднемъ счетѣ на одно основ-

ное явленіе половой жизни, общее человѣку и всѣмъ животнымъ, принадлежащимъ къ большой группѣ metazoa. Это явленіе, обнимающее собою въ одно и то же время и совокупленіе, и воспроизведеніе, есть

слияніе женской яйцевой клѣтки съ мужской сѣменной клѣткою; это — „первоисточникъ любви“, по выраженію Геккеля, по сравненію съ которымъ всѣ другія, хотя бы и самыя сложныя физическія и духовныя явленія играютъ подчиненную, второстепенную роль. Это основное органическое явленіе взаимнаго притяженія и слиянія двухъ зародышевыхъ клѣтокъ служитъ источникомъ всѣхъ прочихъ физическихъ и духовныхъ явленій любви во всей ихъ полнотѣ и разнообразіи. Оно представляетъ ихъ миниатюрное изображеніе, въ немъ мы нѣкоторымъ образомъ видимъ, въ весьма упрощенной, но непосредственно осязаемой формѣ, самую природу отношеній между мужчиной и женщиной. Даже самыя высокія и тонкія духовныя движенія и переживанія, которыя даетъ намъ любовь, являются въ послѣднемъ счетѣ лишь результатами этого „эротическаго хемотропизма“ сѣменной и яйцевой клѣтокъ.

Мужская сѣменная клѣтка и женская — яйцевая показываютъ намъ воочію самымъ нагляднымъ, а потому и наиболѣе простымъ и убѣдительнымъ образомъ глубокую дифференціацію половъ, специфическія половыя отличія, предуказанныя уже самой природой и вслѣдствіе лишь развитія дальше культурой усиленные и утонченныя ею.

Зачатіе происходитъ путемъ передвиженія сѣменной клѣтки къ женской зародышевой клѣткѣ, путемъ ея проникновенія въ послѣднюю. Первая представляетъ активное, послѣдняя — болѣе пассивное начало пола. Итакъ, уже въ этомъ, наиболѣе существенномъ актѣ зачатія очень ясно и отчетливо сказывается естественное отношеніе между мужчиной и женщиной. Такой взглядъ мы находимъ уже въ древнихъ мифахъ и символикѣ, открываемой на гробницахъ. Здѣсь мужчина, какъ активное начало, всегда противопоставляется женщинѣ, какъ началу пассивному.

„Миръ и покой царятъ въ яйцѣ; но когда, возбужденный жаждой творчества, мужской богъ разбиваетъ скорлупу и начинаетъ, подобно Энорху, свою работу, тогда все здѣсь превращается въ движеніе, въ безпокойную суетню, въ вѣчное перемѣщеніе силъ, въ нескончаемый круговоротъ. Такимъ образомъ мужской принципъ воспроизведенія является представителемъ и носителемъ движенія въ видимомъ мірозданіи. Онъ даетъ первый толчокъ движенію и постоянно возобновляется его. Дѣятельнымъ началомъ природы является прежде всего движеніе... Фаллусъ надѣляется крыльями, женщина

остается въ покоѣ; принципомъ движенія служитъ мужчина, принципомъ покоя — женщина; причина вѣчнаго измѣненія — сила, картина вѣчнаго покоя — женщина: поэтому мать-земля по большей части изображается въ сидячемъ видѣ“ (Бахофенъ).

Появленіе въ исторіи развитія живого міра полового размноженія представитъ собою особенно поучительный примѣръ громаднаго значенія дифференціаціи и варіаціи, какъ самаго дѣйствительнаго начала всякаго вообще развитія. Низшія живыя существа размножаются въ высшей степени простымъ способомъ, — путемъ безполаго дѣленія клѣтки, которое не безъ основанія считается особымъ видомъ роста и которое сохранилось также и у высшихъ организмовъ, перешедшихъ къ половому размноженію, — именно въ видѣ такого роста. При простомъ дѣленіи клѣтки вторая, „дочерняя“ клѣтка либо отдѣляется отъ старой, „материнской“ клѣтки и образуетъ новый, полный индивидуумъ, или же это дѣленіе происходитъ въ формѣ образованія отростковъ, причемъ дочерняя клѣтка остается связанной съ материнской и образуетъ новый органъ.

Такое размноженіе путемъ дѣленія клѣтки сохранилось еще у многихъ растений и низшихъ животныхъ наряду съ половымъ размноженіемъ. Это послѣднее всего характернѣе для высшихъ животныхъ и человѣка, потерявшихъ способность къ воспроизведенію новыхъ индивидуумовъ путемъ дѣленія клѣтки, или же новыхъ, а равно и утраченныхъ органовъ — путемъ роста. Слѣдовательно, прогрессъ и выгоды полового размноженія, съ которыми мы сейчасъ познакомимся поближе, сопровождаются съ другой стороны нѣкоторыми потерями и регрессомъ. Мы весьма часто будемъ встрѣчаться съ такимъ фактомъ въ исторіи развитія половой любви и полового влеченія, особенно у человѣка.

Половое размноженіе прокладываетъ дорогу великому прогрессу, такъ какъ, благодаря ему, дифференціаціи и измѣненію формъ открывается несравненно болѣе просторъ, чѣмъ это возможно при безполомъ размноженіи (Керперъ фонъ-Марилаунъ, Р. Мартинъ). Половое соединеніе двухъ различныхъ самостоятельныхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый, въ свою очередь, происходитъ отъ двухъ столь же различныхъ индивидуумовъ, — приводитъ къ прогрессирующей дифференціаціи индивидуумовъ этого вида. Ни одинъ изъ нихъ не походитъ въ точности на другой. Въ каждомъ открываются новыя своеобразности, новыя способности, играющія свою роль въ борьбѣ за суще-

ствование. Такъ постепенно совершается прогрессъ въ направленіи къ высшимъ, лучшимъ, болѣе совершеннымъ формамъ. Тогда какъ наследственность охраняетъ устойчивость рода, половое размноженіе путемъ слиянія двухъ различныхъ зародышевыхъ клѣтокъ, происходящихъ отъ различныхъ индивидуумовъ, сообщаетъ этому роду тенденцію къ прогрессивному измѣненію и совершенствованію. Такимъ образомъ, этотъ способъ размноженія обезпечиваетъ не хуже другого сохраненіе рода, но въ то же время онъ значительно облегчаетъ возможность дифференцированія и измѣненія. Мы уже указали на то, что въ явномъ и очевидномъ различіи мужской и женской зародышевыхъ клѣтокъ нужно искать основную причину глубокаго и существеннаго различія половъ. Этого никогда не долженъ упускать изъ виду ни одинъ изъ защитниковъ абсолютнаго равенства половъ. Разумѣется, большая подвижность мужской зародышевой клѣтки сравнительно съ болѣе пассивной женской служитъ также выразителемъ глубокихъ душевныхъ отличій, которыя можно признавать съ тѣмъ болѣею увѣренностью, что мы знаемъ по опыту, въ какой сильной степени самыя тонкія психическія свойства родителей могутъ передаваться по наследству ребенку.

Поэтому, всѣ попытки природы или культуры уничтожить разницу между специфически мужскимъ и специфически женскимъ началомъ слѣдуетъ считать безнадежными и задерживающими прогрессивное развитіе. Такъ называемый „третій полъ“ есть огромный шагъ назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, раздѣленіе половъ есть высшая ступень сравнительно съ тѣмъ первоначальнымъ состояніемъ, когда обѣ различныя зародышевыя клѣтки находятся на одномъ и томъ же индивидуумѣ (гермафродитизмъ). Это одностороннее половое размноженіе постепенно замѣнялось у предшественниковъ человѣка, поколѣніе за поколѣніемъ, размноженіемъ двустороннимъ; при этомъ въ образованіи зародышевыхъ клѣтокъ участвуютъ два отдѣльныхъ индивидуума, а именно, мужской — вырабатываетъ сѣменные, а женскій — яйцевыя клѣтки. Такъ возникала противоположность разнополыхъ индивидуумовъ, дифференціація двухъ половъ, развивавшаяся филогенетически все въ болѣе опредѣленные, богатые и своеобразныя формы, благодаря началу полового подбора, который съ помощью наследственности и приспособленія постепенно приводилъ къ опредѣленной формѣ и закрѣплялъ физическія и психическія видоизмѣненія пола, какъ

старая, такъ и вновь возникающія. У высшихъ животныхъ и у человѣка эта гетеросексуальность подъ вліяніемъ наследственности получала все болѣе и болѣе рѣзкую форму, хотя слѣды стараго состоянія и не исчезали совершенно. У человѣка въ любви участвуютъ два индивидуума. Это — нормальное состояніе, и только оно имѣетъ въ себѣ тенденцію къ прогрессу, къ совершенствованію. Но отзвуки гермафродитизма, бисексуальности одного и того же индивидуума, „третьяго пола“, имѣются у каждаго человѣка, какъ доказываютъ уже установленныя эмбриологіей и сравнительной анатоміей пережитки, рудименты женскихъ вторичныхъ половыхъ признаковъ у мужчины и мужскихъ — у женщины. Этотъ фактъ даетъ убѣдительное доказательство первоначальнаго гермафродитизма предковъ человѣка. Но эти женскіе половые органы въ мужскомъ тѣлѣ или мужскіе — въ женскомъ представляютъ собой лишь чахлыя рудименты; тогда какъ въ ходѣ развитія у мужчины все сильнѣе и сильнѣе развивались мужскіе, а у женщины — женскіе половые органы, они все рѣзче и рѣзче дифференцировались между собой и стали выраженіемъ специфическаго различія мужчины и женщины. Только они представляютъ собой болѣе совершенное состояніе. Впрочемъ, упомянутые выше пережитки давняго гермафродитизма у человѣка гораздо менѣе значительны, чѣмъ у млекопитающихъ, и, сверхъ того, ихъ значеніе станетъ еще меньше, если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что нѣкоторыя части системы половыхъ органовъ имѣются только у человѣка и представляютъ въ подлинномъ смыслѣ новое приобрѣтеніе; изъ нихъ нужно прежде всего назвать дѣвственную плеву, такъ наз. „гименъ“, который отсутствуетъ даже у наиболѣе близко къ человѣку стоящихъ обезьянъ. Первоначальная цѣль дѣвственной плевы, которая, очевидно, нѣкогда представляла собой въ эволюціонно-историческомъ смыслѣ прогрессъ, еще не выяснена. Относительно нея интересную гипотезу предложилъ Мечниковъ. По его мнѣнію, весьма вѣроятно, что въ первый періодъ существованія человѣческаго рода половыя сношенія у людей начинались въ весьма раннемъ возрастѣ, когда членъ у мальчика былъ еще не вполне развитъ. Въ такомъ случаѣ дѣвственная плева не только не служила препятствіемъ къ совокупленію, но напротивъ, только она и создавала возможность наслажденія половыми актами, такъ какъ она сокращала отверстіе женскаго полового органа и такимъ образомъ приспособляла его къ размѣрамъ сравнитель-

но небольшого мужского члена. Следовательно, тогда дѣвственная плева не разрывалась грубо, какъ теперь, но постепенно расширялась. Ея разрывъ представляетъ лишь позднѣйшее и вторичное явленіе.

И въ самомъ дѣлѣ, въ пользу такого предположенія говорятъ и теперь еще обычные у многихъ первобытныхъ народовъ браки въ дѣтскомъ возрастѣ, а равно и тотъ фактъ, что и у культурныхъ народовъ дѣвственная плева далеко не всегда разрывается при совокупленіи, но приблизительно въ 15% всѣхъ случаевъ (по Budin) сохраняется въ цѣлости.

Если невозможно оспаривать того, что развитіе и прогрессъ культуры ведутъ къ все болѣе и болѣе рѣзкой дифференціаціи обоихъ половъ, то возникновеніе т. наз. „третьяго пола“, въ которомъ эти половыя отличія до нѣкоторой степени сглажены, можетъ означать лишь крупный шагъ назадъ. Тотъ типъ, который изобразилъ подъ этимъ названіемъ въ извѣстномъ романѣ Эрнстъ ф.-Вольцогенъ, типъ бесплодной, чахлой женщины, которая, однако, по работоспособности не уступаетъ мужчинѣ, есть, на нашъ взглядъ, лишь переходная ступень въ великой борьбѣ женщины за свободное самостоятельное развитіе ея собственнаго существа. Этотъ типъ, разумѣется отнюдь не является конечной цѣлью женскаго движенія. Это—карикатура, продуктъ ошибочнаго и крайняго пониманія женскаго развитія. Этотъ „третій полъ“, который Шуцъ не безъ основанія уподобляетъ изуродованнымъ, бесплоднымъ работницамъ-пчеламъ и муравьямъ, нежизнеспособенъ и долженъ уступить мѣсто новому поколѣнію женщинъ, которыя, сохраняя въ полной неприкосновенности всѣ свои специфически женскія особенности, будутъ надѣлены тѣми же правами и обязанностями, что и мужчины, на великомъ поприщѣ культурной работы, а послѣдняя черезъ это будетъ, разумѣется, обогащена множествомъ новыхъ плодотворныхъ элементовъ.

Возможно, правда, что и третій полъ, гермафродиты, гомосексуалы, половыя „промежуточные ступени“ играли опредѣленную роль въ великомъ культурномъ процессѣ. Но во всякомъ случаѣ ихъ значеніе уже потому должно быть весьма ничтожно и ограничено, что въ отношеніи этихъ бесплодныхъ индивидуумовъ исключается возможность наследственной передачи цѣнныхъ качествъ, а следовательно и усовершенствованія въ будущемъ, возможность дѣйствительнаго „прогресса“. Есть только два пола, на которыхъ зиждется всякій дѣйствительный прогрессъ

культуры: это—настоящій мужчина и настоящая женщина. А все прочее есть въ концѣ концовъ только фантазія, только уродство, только пережитки давнишней эпохи первобытной половой жизни.

Мантегацца очень хорошо изобразилъ тѣснѣйшую внутреннюю связь этихъ мечтаній о третьемъ полѣ съ фантастическими извращеніями полового влеченія: „Тогда какъ патологія любви усматриваетъ во многихъ половыхъ извращеніяхъ смутные слѣды всеобщаго гермафродитизма, фантазія, нерѣдко опережающая науку, рисуетъ намъ такую картину, когда у еще болѣе сложныхъ организмовъ количество отличныхъ другъ отъ друга половъ быть можетъ, будетъ болѣе двухъ, такъ что размноженіе у нихъ будетъ совершаться съ еще большимъ раздѣленіемъ труда. Уже въ указанныхъ скептиками и циниками отличіяхъ между платонической, половой и распутной любовью можно усмотрѣть первые симптомы возможности новыхъ, невѣроятныхъ формъ размноженія, изъ которыхъ однѣ своею возвышенностью будутъ напоминать міръ сверхчувственнаго, а другія будутъ грубѣе и отвратительнѣе самыхъ ужасныхъ половыхъ извращеній“.

Въ дѣйствительности только обычная гетеросексуальная (двуполая) любовь между нормальными мужчиной и нормальной женщиной имѣетъ право на существованіе. Только эта, все болѣе и болѣе дифференцирующая и индивидуализирующаяся любовь между двумя полами будетъ играть роль въ будущей исторіи развитія.

Гетеросексуальность, выражающаяся въ формѣ взаимнаго влеченія и соединенія двухъ зародышевыхъ клѣтокъ, происходящихъ отъ двухъ отдѣльныхъ половыхъ индивидуальностей,—эта гетеросексуальность составляетъ основу и существо половыхъ отношеній у высшихъ животныхъ и у человѣка; благодаря наследственности она принимаетъ все болѣе и болѣе рѣзкія формы. Этотъ основной феноменъ полового влеченія унаследованъ еще отъ древнѣйшихъ и простѣйшихъ формъ органическаго міра, и модифицированъ онъ исключительно въ направленіи гетеросексуальности; поэтому, какъ указалъ Эвальдъ Герингъ въ заключеніи своей знаменитой рѣчи: „Память, какъ всеобщая функція организованной матеріи“, наиболѣе сильно у организованной субстанціи воспоминаніе о страсти къ размноженію въ ся древнѣйшей, наиболѣе примитивной формѣ; такимъ образомъ, и теперь страсть эта въ формѣ интенсивнаго физическаго влеченія овладѣваетъ человѣкомъ со стихійной силой, которая, несмотря на